

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

АННА БОЛТОН

18+

ИГРА СНА

Разве ты не слышишь, как сумасшествие
стоит за твоей спиной и шепчет: «Обернись...»

Анна Болтон

Игра Сна

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Болтон А.

Игра Сна / А. Болтон — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Молодая девушка с друзьями попадает в загадочную реальность, в которой оживают мифы и мысли. Там они встречаются бога сна, который предлагает им сыграть в необычную игру. Но то, что поначалу кажется интересной прогулкой туда, где сбываются мечты, начинает все больше напоминать кошмар. Оживают их страхи и старательно забытое прошлое. Все происходящее превращается в ужасный абсурд, конечная цель которого пока неизвестна. Сумеют ли они вырваться из игры сна? Прокатитесь по небу в лодке, половите грешников на удочку в Аду, пообедайте с каннибалами, зайдите на рынок, где за ломаный грош продают мечты и попробуйте отстоять свою невиновность в Суде. Написанная на грани сумасшествия и реальности, эта книга вывернет ваше подсознание, заставит посмотреть в глаза самым потаённым страхам. И в финале, вы, вместе с главной героиней, попробуете найти ответ на вопрос: Что такое реальность?.. Содержит нецензурную брань.

© Болтон А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Старт	5
Исповедь Аглаи	24
Исповедь Виктора	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Старт

У вас никогда не было такого ощущения, будто что-то неизвестное, что-то страшное, стоит за твоей спиной и тихо шепчет тебе на ухо:

– Обернись...

И вы точно знаете, что оборачиваться нельзя – случится что-то непоправимое. В первый момент вы удерживаете себя. Но голос не стихает, вы затыкаете уши, чтобы не слышать его. Но он точит, подспудно, ваше сознание. Любопытство, как кислота разъедает вас изнутри. И однажды вы говорите себе: да ладно, ничего не случится. И оборачиваетесь. И что будет потом – лучше никогда бы не знать.

Может быть во всех нас глубоко внутри заложен еще один закон – закон саморазрушения.

Недавно утром я умывалась, и вдруг, вешая полотенце, поймала в зеркале движения своих рук. Они были белые и тонкие, похожие на двух змей. Я сжала и разжала кулаки, выписывая пальцами в воздухе круг. Отследила движение, и вдруг мне захотелось пошалить. Словно кто-то шепнул мне на ухо. И я, на какую-то жалкую секунду, представила, что это вовсе и не мои руки, а чьи-то чужие.

Я словно отделила руки от себя, сделала безликими – в миг с них сошли все оттенки меня – все веснушки, шрамы, родинки. Я представила их будто пластмассовыми, как у манекена, или резиновыми – не руками, орудиями. Я увидела, как они сжимаются, неуверенно, словно зачарованные, еще раз, быстрее, хищно, словно сжимая в кулаке чье-то сердце. Сжались, замерли на секунду, словно гадюка... и бросились мне в горло, сжимая, стискивая, перекрывая кислород до синевы, до хрипа. Я согнулась, кашляя, чувствуя, как меня колотит от ужаса.

Почему я вспомнила об этом? Все дело в солнце.

Сегодня весь день мне кажется, что я сошла с ума. Именно сегодня – погода, наверное. Сначала шел дождь, а потом вышло солнце в тумане, такое большое и красное, словно оно лопнуло, обнажив кишки. Будто мы все вымерем, выжженные его пламенем. Никогда еще я не видела такого солнца. Поневоле начинаешь вспоминать про конец света.

Мне кажется, даже Новый год и Рождество люди ждут меньше, чем конец света. Конец света автоматически отменяет все законы, государственные, нравственные и внутренние, которые у нас когда-либо были. Время веселиться.

Да, черт побери, может быть весь этот залитый красным светом мир, с его машинами, убийствами, сотовыми телефонами и кока-колой – не более чем плод безумной фантазии, быть может даже не моей. Может быть все люди, и я сама – мы все просто снимся кому-то.

Я шла по тропинке, мимо дома, алое солнце слепило меня, не давая дороги ни одной приличной мысли...

– Аглая! – я вздрогнула, оборачиваясь к неясной тени слева от меня. Пришлось прикрыть глаза ладонью, только тогда я различила его лицо. Димитрий.

Я чуть улыбнулась.

Он что-то говорил, но от жара солнца казалось, что меня от всего мира отделяет пуховая подушка. Наконец он встал на одно колено и взял мою руку. Я смотрела вниз и видела как гравий облепил его белую штанину. «Хоть бы подстелил что-нибудь», – подумала я. – «Пятно останется».

– Аглая, – голос его был сильный, как и вся его фигура. Даже сейчас, коленопреклоненный он казался скалой. Он всегда напоминал мне одомашненного льва – словно там, глубоко внутри, спят инстинкты гораздо более мощные и страшные, чем я могу себе представить, инстинкты, которые могли бы растерзать меня без жалости и колебаний. Но эти инстинкты уже не вырвутся наружу. Возможно, однажды дрессировщик забил его до полусмерти, и с тех пор на нем есть незримый и самый жесткий ошейник – страх.

Что же он говорит?

– Идем, – сказала я.

Он чуть раздраженно сощурил голубые глаза, фыркнул и поднялся с колен, возвысившись надо мной на две головы.

– Это твой ответ?

– На что?

Я кожей почувствовала порыв ветра – облако закрыло солнце, и я подняла на него глаза.

– На мое предложение.

Димитрий серьезно смотрел на меня, ни тени обычной улыбки не было на его лице.

Он любит смеяться. Смех его всегда немного издевательский – неважно, над кем он подшучивает – над другими или над собой. Поэтому я очень люблю его лицо, когда он не смеется. Оно становится глубоким и слегка печальным, как у святых с икон. В эти моменты мне кажется, что я достаю до какой-то неизмеримой глубины в нем. Это он. Не шут, не клоун. И не скала, отнюдь. Уязвимый. Хрупкий как стекло.

И я поняла – вот если я сейчас ударю – это будет больно.

«Вот бы убежать», – подумалось мне.

– Аглая.

Я подняла руку... чтобы дотронуться, наверное? Я люблю его – как можно его не любить? Он слишком добр ко мне, всегда. Я бью, а он сжимает зубы, терпит и улыбается мне, не притворно. Иногда я действительно ненавижу его за это.

Но... Мне хотелось хохотать от нелепости происходящего, сама не знаю почему. Хохотать...

Я убрала руку и отвернулась.

– Пошли, – сказал он и пошел вперед по дорожке, усыпанной гравием.

– А... – попыталась сказать я, но он перебил меня:

– Потом ответишь. Нас там уже заждались.

У реки на краю обрыва стояли Виктор и Кристина.

Солнце обрисовывало силуэт Кристины. Она стояла на самом краю, на возвышенности, подол ее платья трепал ветер. Виктор был позади, ниже, в нескольких метрах и смотрел на нее, заслонившись ладонью.

Они не услышали нас, пока я не крикнула:

– Эй!

Они одновременно дернулись и обернулись к нам.

– Где это вы были? – крикнула Кристина.

– Я забыла куртку! – сказала я первое, что пришло в голову.

– Какую куртку? – озадаченно спросила Кристина, разглядывая платье – единственное, что было на мне надето.

– Забыла, – я улыбнулась, пожав плечами.

– Дамы, мы поплывем сегодня куда-нибудь? – негромко сказал Виктор.

Виктор похож на старого ленивого кота, который сидит на заборе и брезгливо смотрит на вас сверху вниз. Если вы скажете ему: «Брысь!», он чуть сузит глаза, окатив вас презрением, немного подождет, потом медленно поднимется и поплывет прочь, с отвращением подергивая хвостом. У него горделивый взгляд и мощные лапы, но в душе он трус. Стоит ему встретить настоящего дикого кота, из тех, что боятся людей и бьются насмерть, он сбежит.

Людям постоянно кажется, что Виктор воспринимает их как прислугу, отчасти так и есть. Впрочем, я, как и все женщины, прощаю ему все, потому что он очень ухожен, и оттого красив. Идеальные руки, чистое лицо, дорогая рубашка и манеры истинного джентльмена. Сердцеед.

– А вы уже достали лодку? – спросила я.

– А ее и не надо доставать, она внизу привязана, – ответила Кристина, указывая вниз.

Кристина из тех людей, чьи внутренние желания не хотят мириться с вызубренными принципами. В итоге ее неосознаваемые потребности так и лезут из нее, как ее грудь из тесного выреза целомудренного платья. Кристина по-русски истово молится, скромная, до замкнутости, но пьет без меры. Она – идеальный партнер для русской народной игры «Наша жизнь – дерьмо». Может часами болтать, с полной убежденностью, что хуже жить нельзя. Что у нее нет денег и нет приличной работы. Что она старая дева, потому что все мужики стали как бабы, что наше правительство делает все, чтобы уменьшить количество населения... Эти разговоры приносят ощущение причастности к нищим и угнетенным, и у меня совершенно пропадает чувство вины от того, что я ничего не делаю со своей жизнью.

Мы спустились к реке. Кривая старая ива нависала над покосившимся мостиком, на серых расшатанных досках лежали скукожившиеся синие листья. Подул ветер, подхватил их, и бросил в воду. По реке побежала рябь, ивовые листья закружились как маленькие лодочки. Их быстро сносило дальше по течению. Я поежилась, заметив это, Дмитрий накинул мне на плечи свой пиджак.

У мостика была привязана деревянная лодка, не менее старая и серая, чем сам мост. Я протянула руку и коснулась шершавого бока – он был чуть влажный и вихрился занозами.

– Вот эта лодка?.. – Виктор изогнул брови.

– Она ж развалится, если мы сядем, – выразился прямее Дмитрий.

– Ну уж какая есть, – обиделась Кристина.

– Не слишком ли поздно? – спросил Виктор, – Закат уже.

Мы все подняли головы к небу, и будто в первый раз действительно увидели закат. Солнце было красное.

– Поздновато, конечно, – Кристина развела руками. – Ладненько. Пусть первым залазит тот, кто будет грести.

– Кто же это? – спросил Дмитрий, хлопая наивными глазами.

– Дим, ну ты же джентльмен, – сказала я.

– Это ты так считаешь, – он обреченно посмотрел на Виктора.

– Ты умеешь? – в ответ спросил Виктор. – Я – нет.

– Ясненько... – протянул Дмитрий, вздохнул, и осторожно полез в лодку. Лодка покачнулась, но выстояла.

Следом впрыгнул Виктор. Лодка уже ощутившее взбрыкнула, но стараниями мужчин удержалась в горизонтальном положении.

– Живые? – ехидно поинтересовалась я.

– Полезайте, – сказал Дмитрий, подтягивая лодку к мостику.

Кристина повернулась к лодке, они встретились глазами с Виктором. Он протянул ей руку, но напроигнорировала ее и отвернулась.

– Смотрите-ка! – сказала она. – Уже туман появился!

Мы обернулись. Туман вытек на поверхность реки, словно кто-то пролил сливки. Он не поднимался выше двадцати сантиметров над водой, плоский и тонкий, словно белая вуаль, наброшенная на реку. Его сносило течением вниз, и он еле заметной дымкой скользил по воде. То тут, то там собирался облачками, лентами колыхался в потоках ветра.

Наконец все залезли, и, Дмитрий, отвязывая веревку, которой лодка была привязана к мостику, объявил:

– Отплываем!

– Поднять швартова! – воодушевленно поддержала его Кристина.

– Чего поднять? – засмеялся он.

Кристина надулась.

Дмитрий начал грести, плечи его вздымались и опадали, лодка двигалась рывками. Мы сидели, вцепившись в борта, было слышно только плеск воды. Наконец мы выбрались на сере-

дину реки и Дмитрий с облегчением вытащил весла, с которых сорвалась цепочка капель. Было слышно, как они капают в воду, потом воцарилась тишина.

Лодка медленно плыла по отражавшемуся в воде небу.

– А можно я на нос сяду?

Дмитрий посмотрел на меня и ехидно спросил:

– А лодка не перевернется?

– Не перевернется, смотри, как их много на том конце, – я показала на Кристину и Виктора. Виктор романтически облокотился на край лодки, подперев рукой голову и глядя вдаль, рукава его рубашки были закатаны, только розы не хватало. Кристина пристроилась на скамейке и опустив руку, зачерпнула воды.

– Горько, – она скривилась.

Дмитрий отложил весла и, обхватив меня за талию, осторожно пересадил на нос.

Я закинула туфли в лодку и опустила ноги в нагретую за день воду. Она была, как говорят, «парное молоко». От воды было тепло, и холодно, когда ночной воздух касался мокрой кожи.

Все молчали – совсем не хотелось разговаривать, лодка скользила в полной тишине. Клубы тумана медленно кружились у самого берега, середина реки была чиста. Ветер стих, и в воде, как в идеальном зеркале, отражалось небо. Солнце умерло, упав за горизонт. Последние краски покинули небо, оно было черно и пусто. И река была черна и совершенно бездонна.

Я вытянула руки, белые ладони отражались в воде. Я взглянула вниз – и уже не смогла оторвать взгляд. Глубина пугала. Казалось, словно что-то смотрит на меня из-под толщи воды, и так правдоподобно казалось, что с каждой минутой мне становилось все страшнее, но я словно замороженная склонялась все ближе и ближе к воде, пока наконец не увидела бледное лицо, и большие черные глаза, глядящие прямо на меня, они звали вниз и я склонилась еще ниже...

– Аглия! – резкий окрик выдернул меня в реальность, я резко разогнулась. – Ты поплавать решила? – ладони Дмитрия, схватившие за плечи, были почти горячими, разрушая потусторонний холод.

– Смотрите, – сказал Виктор, указывая на плавно выходящий из воды берег. – Спуск, и дерево растет, можно привязать лодку.

– Пойдет! – одобрила я. – Паркуемся.

– Причаливаем, дитя цивилизации, – поправила Кристина с лукавой усмешкой. И хитро посмотрела на Дмитрия: – Верно, товарищ капитан?

– Так точно, – усмехнулся он в ответ.

Лодка толкнулась в землю и я спрыгнула прямо в воду. Ступни ушли в песок, качнулась волна, лизнула берег, оставляя мокрый след, подол намок и облепил ноги.

Дмитрий воткнул весло в землю и протянул мне веревку:

– Привяжи-ка.

Привязав лодку, я залезла на песчаный пригорок и раздвинула кусты.

Зашуршали ветви и показался Виктор, а за ним и все остальные.

– Все так заросло... – сказала Кристина, оглядываясь по сторонам.

Мы стояли на опушке леса, позади нас кусты загораживали реку, впереди стеной стоял березовый подлесок. Сквозь него, вглубь, вела узенькая тропинка.

– Смотрите, тропинка, – сказала я.

– Откуда она здесь? – удивилась Кристина. – Как-то странно.

В самом деле, странно. Лес казался полным жизни, копошащейся в черной темноте – это пугало. Шорохи, шелест.

– Идем? – сказала я.

– Куда? Темно уже, – сказал Дмитрий.

– Зачем нам вообще туда идти? – нервно сказала Кристина, кутаясь в платок. – Посмотрели уже...

Я не знала ответа на этот вопрос. У меня бывает такое, я называю это «синдромом Алисы». Когда я вижу таинственную тропинку, мне всегда ужасно хочется посмотреть куда она ведет. Впрочем, жизнь показала, что чаще всего в конце таинственных тропинок оказывается общественный туалет.

– Виктор? – сказала я.

– Что? Аглая, ты как ребенок. – Я сделала щенячьи глазки. Он усмехнулся, разглядывая мое лицо чуть сощуренными глазами. – Хах!.. – он вздохнул, – Идем.

Пришлось идти всем.

Мы прошли совсем немного, и тут я поняла, что то ли мои глаза стали меня обманывать, то ли в лесу ощутимо посветлело, и с каждым пройденным мною шагом становилось все светлее и светлее. Если вначале мне еще было страшно, и я жалась к Виктору, то сейчас, отбросив всякую осторожность, я шагала вперед по тропинке.

– Что-то мне это не нравится, – шепнула Кристина и перекрестилась. Виктор искоса на нее посмотрел.

– Что?! – вскинулась Кристина.

– Страшно?

– А тебе как будто нет?

Виктор пожал плечами, переводя равнодушный взгляд с нее на темные провалы между деревьями.

– Да не особо.

Кристина фыркнула и отвернулась.

– Эй, а хотите анекдот? – предложил Димитрий.

– Ну давай.

– Собрались как-то вместе православный, католик и буддист...

Кристина вздохнула раздраженно и сказала:

– Давай без таких анекдотов, хорошо? Надоело уже.

– Чего это? – удивился Димитрий.

– Я вообще-то православная, так что... – Кристина пожала плечами и натянуто улыбнулась.

Виктор тихо засмеялся:

– Давайте поговорим о Боге...

– Так это ж совсем безобидный... – начал было Димитрий, растерянно разводя руками, но его перебила снисходительная реплика Виктора.

– Очаровательная моя, от твоего православия чуть-чуть пахнет ханжеством.

Кристина вспыхнула мгновенно, словно ждала повода.

– А от тебя пахнет ущербностью! Знаешь ли, именно тебе, с твоими теориями, Бога не хватает особенно сильно!

Виктор зло ухмыльнулся и открыл рот.

– Не начинайте, а, – со вздохом сказала я. – Пусть верит во что хочет. Только теологических споров нам не хватало.

– Ты мне или ей?

– Обоим.

Какое-то время мы шли молча, потом Димитрий не выдержал:

– А чего за теории?

Я раздраженно покосилась на него.

– Он считает, что Бог – не человек и тому подобная ерунда, – пренебрежительно отозвалась Кристина.

– Почему ерунда? – удивился Димитрий.

– Она не так сказала, – пояснил Виктор.

– О-о, сейчас начнется, – протянула Кристина.

Виктор смерил ее взглядом сверху вниз и промолчал, но потом, после недолгой паузы не выдержал:

– Вот посмотри на нее. Она видит Бога, как человека, он у нее вечно что-то чувствует. То грусть, то радость, то жалость, да еще и вечно планирует что-то. – Виктор пожал плечами. – Людям свойственно измерять все человеческими категориями. А вот я думаю, что Бог – это стихия. Слепая, безэмоциональная стихия. Мой Бог – это жизнь. Вот это Бог, – он показал на дерево, – и вон это Бог, – он показал на Кристину. – Только внутри этого тела. В каждом из нас Бог, и этот Бог – жизнь.

Димитрий задумался.

– Страшно тебе жить, наверное, – сказал он наконец.

– Почему? – удивился Виктор.

– Ну, как-то, когда веришь, что если помолишься, то все получится и боженька тебя защитит... Или, там, ты делаешь добро, и тебе добро возвращается, это как-то обнадеживает чуток. А так...

– Тихо, – сказала я.

Все замерли.

– Аглая? – спросил Виктор, касаясь моего предплечья.

– Мне показалось, или там что-то блеснуло? – сказала я и ткнула в темноту, из которой вдруг вверх поднялись две желтые светящиеся точки.

– Волк?! – прошептала Кристина.

Мы почти сорвались с места, но тут из кустов вокруг нас стали подниматься другие горящие точки. Одна, две, три, десять... И вот уже вокруг светло, словно от фонарей, а воздух заполнен сотнями желтых огоньков.

– Мамачки, это еще что такое?!

Мы ошеломленно глядели по сторонам.

Кристина протянула руку к одному.

– Светлячок, – сказала она.

Мы стояли на тропинке, а вокруг нас, прячась за деревьями, мерцали теплым желтым светом сотни крошечных светлячков. Кристина потянулась еще к одному, но он зажужжал и порхнул в сторону, вместе со своими собратьями.

Мы двинулись дальше, завороченно разглядывая огоньки. Чем дальше мы шли по тропинке, тем больше их становилось, тем выше они поднимались, и тем ярче освещали нам дорогу.

Лес расцветал, озарялся теплым желтым пламенем. Тени кривлялись, сжимались, и наконец совсем исчезали, уступая место свету.

Все менялось – лес редел: деревьев становилось меньше, и они были огромные, толстые и высокие. То ли из-за игры света и тени, то ли так и было, но казалось, что трава, устилавшая землю, удлиняется с каждым шагом, покорно ложась, сплетаясь стеблями друг с другом, образуя пружинящий зеленый ковер. Еще несколько шагов и я удивленно смотрю под ноги:

– Ничего себе, поглядите-ка, плитка! Откуда она здесь?

А вот и еще одна, и еще...

Сплетение трав словно огибало квадратные островки. Белые и черные куски плитки, битые, потрескавшиеся, покрытые налетом грязи и пыли. А вот начали всплывать из-под травы целые плиточные островки, в трещинах пробивалась трава, которая будто желала поглотить, утащить вниз остатки странного пола.

– Что происходит вообще?.. – тихо прошептала Кристина.

Ей никто не ответил. Дальше шли молча.

Какой-то иррациональный страх обуял нас всех. Так дети боятся монстров в шкафу, и взрослые боятся темноты. Все уже жалели, что пошли сюда. Не знаю, что двигало нас вперед, не давая остановиться и сбежать. Наверное любопытство, которое было сильнее страха, сильнее осторожности.

Я нашла руку Димитрия и обхватила ее, переплетая пальцы, пытаюсь обрести уверенность в себе. Я почувствовала, как он в ответ стискивает мою руку.

С каждым шагом плиток становилось все больше, а травы все меньше. Вместе с травой уходила грязь с плиток, и трещины – и вот мы уже шагаем по блестящему каменному полу. Белые и черные глянцевые ромбы чередовались в шахматном порядке. К ним стали добавляться сначала синие, потом красные и наконец желтые плитки. И вот мы ступаем по этому полу, похожему на костюм Арлекина, все по той же тропинке между деревьев. Деревья не исчезли, они росли прямо из пола, пробиваясь между плитами, оплетая их своими корнями и вгрызаясь в зазоры.

Непонятно откуда взялся туман. Он становился все гуще, не заползая на тропинку, а только гнездясь внизу меж деревьев, словно не давая нам свернуть с пути.

Происходящее все больше и больше напоминало странный сон. Но я чувствовала порывы ветра кожей, я чувствовала холодный камень под ногами и теплую руку Димитрия. Но в какой-то момент и его рука, и он сам, идущий рядом, показались мне такими же нереальными, как плитка и светлячки. Мне стало страшно до жути. Я невероятно боялась повернуться, и оглянуться на моих спутников: вдруг те, кто стоит за моей спиной уже не мои знакомые, вдруг я повернусь и увижу черные чужие ухмылки.

Я стиснула ладонь Димитрия, чуть ли не впиваясь в нее ногтями, он молчал. Наконец я посмотрела в его лицо. Кожа его была бледнее обычного, взгляд растерянно блуждал вокруг. Он почувствовал, что я смотрю на него и взглянул прямо мне в глаза. Детский страх был в его расширенных зрачках.

– Димитрий! – закричала я, разрушая отвратительную околдовывающую тишину. – Что происходит вообще?!

Мой крик словно обрушил заклинание, поток шума хлынул мне в уши – стрекот сверчков, гул ветра, шелест листвы, крики птиц. И вместе с тем пришло осознание, что все это время я не слышала ни одного из этих звуков.

– Господи, – я почувствовала, что меня трясет, и вдруг, неожиданно для самой себя, стесняясь самого этого жеста, неловко перекрестилась. Раз, второй, я стала истово креститься. Раз за разом, я словно пыталась защититься от окружающей нереальности, защититься от темного, ледяного первобытного страха, владеющего мною.

Во всем окружающем было что-то настолько ведьмовское, чертово!.. В этом не было очарования гаданий, в этом была противоестественная, потусторонняя мерзость вывернутой шеи.

Виктор, стоял рядом, лицо его было такое бледное, что легкая щетина казалась угольно-черной, он стиснул руки до белизны. Он боролся со своим страхом один на один – человек против человека. Я же наплевала на все, и крестилась – стесняясь, неловко. Я делала то единственное, что, как мне повторяли с детства, отгоняет беду. Умом я говорю себе: «Глупости!», но вот вычерпать меня до дна, содрать понты и лоск, оставив только инстинкты – и одним из этих инстинктов будет вера в странные ритуалы. Боже, какая шутка.

– Где мы? – закричала Кристина, перекрикивая все усиливающийся шум ветра – его порывы валили с ног, словно желая вышвырнуть нас отсюда.

– Ты мне скажи?! – я почти смеялась. Димитрий обхватил меня за плечи, мы сгрудились, сплелись с ним, я уткнулась в его шею, но не почувствовала спокойствия, напротив, мне стало еще страшнее: он снова показался чужим, пришельцем, не моим Димитрием. Я рванулась, и вдруг услышала тонкий звук колокольчика.

Ветер стих.

Динь-динь-динь, – взрезал ночной воздух хрустальный перезвон.

И снова:

Динь-динь-динь.

Я отстранилась и пошла вперед, на звук. Руки мои дрожали, кровь стыла, хотелось закричать.

Тропинка резко вильнула и вывела нас на огромную поляну. Деревья расступились, чтобы дать место гигантскому черному трону и двум странным людям, стоящим по обе стороны от него.

От неожиданности мы все остановились – последнее, что каждый из нас ожидал здесь встретить – это людей. Чертей каких-нибудь или лешего, но никак не самых обычных людей из плоти и крови. Мы ошарашенно запереглядывались. А та пара совершенно не обращала на нас внимания. Скорее всего они просто не заметили нас, напряженно вглядываясь куда-то позади трона. Оттуда и раздавался звон, все приближающийся и приближающийся.

Это были двое мужчин, лет тридцати на вид. Один светлый, в снежно белом костюме. Второй брюнет в черном.

– Здравствуйте! – громко сказала я.

Они вздрогнули и обернулись к нам.

В их облике была какая-то странность, роднившая их с происходящим. В лице черноволосого перекачивалась какая-то звериная жуть, глаза были чуть сужены, ноздри дрогнули, как у зверя, вставшего на след. Светловолосый был совсем обычным, но холодное злое безумие в его глазах пугало до дрожи.

«Двое стояли у ног его. Один был темен как ночь и дикий зверь глядел его глазами, другой сед словно старик и взгляд его внушал безгласый ужас».

Недоумение на лице Черного вскоре сменила паника:

– Бегом отсюда, быстро!

Белый же только хмыкнул и наклонил голову, с интересом разглядывая нас.

– Я что непонятно говорю? Бегом, это не шутки! – снова повторил Черный.

– А смысл? – с некоторой иронией сказал Белый, пожимая плечами. – Ты что, не понял? Это не случайность. Назад дороги нет. – Он чуть помедлил и красивое лицо перекосила злая больная улыбка: – Уже никуда не деться. – Лицо его вновь вернуло себе холодное равнодушие, и он отвернулся.

– Так это опять эти его игры?! – возмутился Черный. – И ты считаешь все это нормальным?

– Ну, если он втемяшил что-то себе в голову, кто мы такие, чтобы его переубедить. Кроме того, я не вижу ничего... – Белый пошевелил пальцами, как бы подыскивая слово, – ...предосудительного.

– А. То есть ты считаешь, нет ничего предосудительного, чтобы играть судьбами невинных людей?

– Бывало и хуже, – пожал плечами Белый.

Черный раздраженно цыкнул и тоже отвернулся.

– Извините, – начала Кристина. – А не могли бы вы объяснить...

Белый коротко взглянул на нее и отвернулся, перебивая фразой, предназначенной Черному:

– В любом случае, это его сон, ты не сможешь никого вывести отсюда, как бы ты ни хотел.

Черный прошипел что-то сквозь зубы.

– Да что здесь вообще происходит, нам кто-нибудь объяснит?! – сказала Кристина. Белый и Черный обернулись к ней.

Воцарилась тишина, прерываемая только звоном колокольчика.

Черный со смесью сожаления и раздражения оглядывал нас, Белый смотрел него. Внезапно Белый, словно почувствовав что-то, дернул головой, отворачиваясь:

– Тихо, он идет.

Черный развернулся в ту же сторону и оба напряженно застыли.

Я вглядывалась в темноту, пытаюсь понять, что там – свет светлячков почти не доставал туда. Вглядывалась, пока не поняла, что там НИЧЕГО нет. Я снова схватила Димитрия за руку.

Я никогда не видела такого: оттуда словно вынули кусок мира: там была только чернота, такая бывает в компьютерных играх, когда мир не доделан. Просто пейзаж – плитки, деревья – все обрывалось в никуда.

Звон хрустального колокольчика совсем приблизился и внезапно темнота начала едва уловимо светиться. Показался огонек, постепенно увеличивавшийся. Из глубины НИЧЕГО нам навстречу шел человек. В руке у него болталась керосиновая лампа, только вместо огня за стеклом бились желтые светлячки, оттуда и раздавался этот тоненький хрустальный звон.

Человек был облачен в темный плащ с капюшоном, который скрывал всю его фигуру, чуть волочась следом. С каждым шагом под его ногой возникала серая скругленная плита, которая снова канула в ничто, стоило ему шагнуть дальше.

Наконец он сошел с плиты на шахматный пол, и, не обращая ни на кого внимания, прошел к трону. С громким вздохом растянувшись на троне, он поднял голову.

Сначала я подумала, что он в перчатках, но, когда он поднял голову, стало очевидно, что нет. Он состоял из того же НИЧЕГО, из которого он и появился. Под нависающим капюшоном зияла темнота, словно рана, нанесенная вселенной. Его рука струилась и дергалась, слегка меняя форму, непонятным образом удерживая лампу с трясущимися светлячками.

– Добро пожаловать в сон, – поприветствовал он нас.

Мы все вздрогнули: его голос был совершенно нечеловеческим. Представьте, какой звук будет, если потереть друг о друга две открытые консервные банки. Его голос состоял из таких вот режущих слух взвизгов и скрежета разной высоты. Больше всего на свете хотелось зажать уши и убежать оттуда. Это было настолько странно, что мы не сразу осознали сказанное им.

– В сон? – громко спросил Виктор. – Позвольте, и кому же все это снится? –

– Что за чушь! – воскликнула Кристина, оглядываясь на нас в поисках поддержки.

– Юная леди, вас не учили что перебивать невежливо? – сказал Черный.

– Оставь это, – махнуло рукой странное существо. – Единственное, что имеет здесь хоть какой-то смысл – это Игра.

Существо сделало паузу.

– Дамы и господа, приглашаю вас принять участие в Игре...

Оно снова сделало паузу, словно ожидая протестующих криков, однако все молчали.

– Отказы не принимаются, – на всякий случай добавило оно. – Правила... Дойти до Финиша. Проиграл тот, кто останется на Финише один.

Повисло молчание.

– А что будет в случае проигрыша? – спросила я.

– Проигравший останется здесь, во сне, – я услышала улыбку в его голосе, – Навсегда.

Казалось бы, куда уж там, но нам стало еще неуютнее.

– Пфф... – Белый захохотал.

– Но это же нечестно? – возмутился Черный.

– А мне нравится, – сказал Белый, ухмыляясь, глядя на нас.

Существо покосилось на Черного и Белого, отчетливо вздохнуло, издав мерзкий скрежещущий звук.

– Вы слишком болтливы.

Они вздрогнули и закаменели лицами.

Существо легко поднялось с трона, отвернулось, но вдруг, на миг замерев, повернулось к нам снова:

– Да, и на будущее: дурной тон удивляться во сне. – Он поставил фонарь на трон. – В любом случае, до встречи.

Он резко хлопнул в ладоши и туман, клубящийся по краям круга, кинулся на нас словно пес с цепи, застилая все вокруг. Мир стал белым-пребелым, только желтые светлячки из фонаря существа, горели яркими точками, отпечатавшись на сетчатке.

Звуки снова стихли, остались неуверенные отдаленные шорохи, словно пытающиеся пробиться сквозь подушку.

Я огляделась, пытаюсь различить хоть что-то в густом тумане. Я не видела даже очертаний своих спутников.

– Эй! – закричала я, разводя руки и пытаюсь нашарить кого-нибудь. Однако мои слова, как и мои руки потонули в окружавшем меня серовато-белом мареве.

Я прошлась вокруг того места, где стояла.

– Димитрий! – крикнула я, и не услышала даже саму себя. – Виктор!

Глухо. Ни звука, ни шороха. Только белый туман вокруг.

– Кристина... – протянула я неуверенно и не надеясь на ответ, больше для порядка. И вдруг буквально краем глаза заметила, как что-то черное промелькнуло и скрылось – плавно, по-звериному, и невероятно быстро. Просто с нечеловеческой скоростью. Я почувствовала, как застучало сердце. Мне стало казаться, что что-то стоит за моей спиной. Я резко обернулась и сделала шаг назад. Шаг. Шаг...

Тут я почувствовала, как нога уцепилась за что-то, я нелепо взмахнула руками, тщетно пытаюсь удержать равновесие, и, с неслышным криком, кубарем покатила куда-то вниз.

«Интересно, а во сне можно свернуть шею? По идее если это сон, то...» – я не успела домыслить, потому что внезапно вывалилась из тумана.

– Аййй, – я села и огляделась по сторонам. – Дурной тон во сне удивляться чему-либо... Так, кажется, он сказал, – пробормотала я, понимая, что удивляюсь только тому, что ничему не удивляюсь.

Туман, окружавший меня, поредел. Теперь он быстро скользил мимо, уносимый ветром. Поднимался то выше, то ниже, на мгновение скрывая окружающий пейзаж, завивался длинными белыми языками, словом вел себя совершенно ненормально. Под ногами чередовались все те же плитки, но темнее: багровый, охра, полночно-синий и черный с грязно-серым. И странные деревья вокруг. Всё как положено, ствол, крона, вот только все они были картонные и плоские, будто театральные декорации.

– И куда мне идти? – спросила я у воздуха.

– Смотря куда ты хочешь попасть, – услышала я в ответ.

Я резко обернулась, для того чтобы встретить насмешливый взгляд желтых глаз с вертикальным зрачком.

«А вот и Чеширский Кот» – подумала я. – «А я, выходит, Алиса?»

Я посмотрела вниз. И правда, на мне было совершенно дурацкое платьишко. Голубенькое с огромным бантом, как в мультике. Голубенькие же башмачки и беленькие носочки.

– Мне нужно найти остальных.

– Н-да? – протянул Чеширский Кот (вот только в его исполнении это было больше похоже на «н-мя?»). – Уверена?

Что значит «уверена»?

Я посмотрела на него, потом на разноцветную плитку у себя под ногами.

«Смотря куда ты ХОЧЕШЬ попасть» – сказал он. Я точно не хотела назад в белый туман. Но и к остальным мне почему-то тоже не слишком хотелось.

– Я никуда не хочу попасть, – наконец сказала я.

Плоский нарисованный на куске фанеры Кот улыбнулся мне из кроны нарисованного дерева:

– Ну тогда стой на месте.

Я потуже завязала бантик на платье и, немного подумав, ответила:

– Но стоять на месте тоже не годится.

– Почему это?

Я развела руками.

– Потому что... Потому что... Да не знаю!..

А правда, почему бы и нет?

Я присела, прислонившись спиной к нарисованному дереву. Поерзала, поудобнее устроиваясь, сняла ужасные башмачки. Глубоко вздохнула и закрыла глаза. Но через несколько секунд опять вскочила на ноги:

– Потому что скучно! А еще может мне куда-нибудь надо, а я и не знаю, и сижу тут.

– Ну тогда иди куда-нибудь. А по дороге может и поймешь, куда тебе надо.

Я оглядела высившиеся вокруг ряды одинаковых фанерных деревьев.

– А куда-нибудь, это куда? Вправо, влево?

– Какая разница, тебе же все равно никуда не хочется. Иди уже куда-нибудь. – он махнул нарисованной лапой.

– Но может ты мне скажешь, что там находится...

– Я обычный нарисованный кот, а не стойка «Информация», откуда мне знать! – раздраженно перебил меня Чеширский Кот и повернулся ко мне толстой нарисованной пушистой задницей.

– Эй! – позвала я его. Но он даже не пошевелил нарисованным хвостом.

После обстоятельной беседы с Чеширским Котом, неизвестность уже не так страшила меня. Однако уходить от единственного говорящего объекта, пусть и нарисованного, не хотелось.

И тут мне в голову пришла странная мысль. А если он нарисован, деревья нарисованы, может и я сама уже – нарисована?

Я вытянула руки вперед и увидела только две плоские дощечки с нарисованными на них пальцами.

Однако не успела я как следует испугаться, как почувствовала, что какая-то неведомая сила тянет меня за шиворот, словно котенка.

Я моргнула и тут же вздрогнула от ослепившей какофонии белых вспышек и громкого многоголосого воя, ударившего в уши. Я словно оказалась посреди тонущего корабля – все кричали, вопили, раздавался непонятный шум толпы с одиночными отчаянными выкриками:

– ...поделитесь...

– ...бес-пре-це-дент-но...

– ...как вы...

Слова и словосочетания вспыхивали в гуле и снова тонули, заглушаемые другими, которые в свою очередь заглушались еще одними, и так далее, и так далее, и все это образовывало несмолкающий монотонный гул. Щелчки. И белые вспышки, разрывавшие темноту с частотой светомузыки.

– Аглая, – услышала я голос у самого своего уха, – с тобой все в порядке?

Широкая спина Виктора, пахнувшая полыньей, заслонила меня от света и звука, его руки укутали спокойствием и тишиной.

– Что происходит? – спросила я его.

– Интервью, – как ни в чем не бывало ответил Виктор. И отстранился, выталкивая меня вперед, на свет, распахивая окружающий мир, обрушившийся подобно каменной лавине.

Мы стояли в центре темноты, а вокруг бесновалась безликая многотысячная толпа. Нас от нее отделяло только канатное ограждение. Однако несмотря на ее условность, никто не смел прорваться за нее. Нас освещали лучи софитов, падающие откуда-то сверху, из темноты, и вспышки фотоаппаратов.

И если вы думаете, что я назвала толпу «безликой» ради красного словца, то должна вас переубедить – ни у кого из людей, вопящих по ту сторону алых канатов, не было лица. Только рты, зияющие провалами на гладкой розоватой коже. Я попыталась найти хоть у кого-нибудь глаза, но у них не было глаз, ни у одного.

Как же они фотографируют?

– Это жесть какая-то, надо валить отсюда, к чертовой бабушке, – услышала я слова Дмитрия.

– Не надо к чертовой бабушке, – сказала Кристина, лицо ее было совсем белым.

– Это уже не сон, это кошмар, – отозвалась я, нервно комкая в руках юбку.

Виктор хмуро покосился на нас и вдруг зычно крикнул:

– В ЭТОЙ ИГРЕ НАЙДЕТСЯ КТО-ТО, ОБЪЯСНИТЬ НАМ, ЧТО ПРОИСХОДИТ? – голос его с легкостью перекрыл шум толпы, которая на секунду стихла и вновь загудела.

Раздался громкий шелчок и один из лучей софитов скользнул по толпе, которая, что-то почуяв, заволновалась. Луч осветил одинокую женскую фигуру в белом. Женщина призывно поманила нас, и толпа расступилась, образуя живой коридор от нас к ней.

Все смолкло, стихли вспышки фотоаппаратов, белый силуэт маячил вдали.

Мы переглянулись, и я нерешительно шагнула вперед. Нагнулась и отстегнула канат – это было страшнее всего, казалось, что стоит мне разрушить веревочный круг, нарушить ограду – как вся эта безглазая толпа ринется на нас.

Стоило нам шагнуть за ограду, как крики вновь возобновились, с ними возобновились и вспышки, но все это было как-то наигранно, и не так громко, словно все эти люди говорили больше по-обязанности. Наконец я стала различать целые фразы:

– ...Каково это – участвовать в Игре?...

– ...Есть догадки, почему именно вас выбрали для участия в Игре?...

– ...Поделитесь, благодаря каким вашим качествам вы надеетесь победить в Игре?..

Мы двинулись сквозь толпу, силуэт женщины скользнул дальше, заставляя их расступаться.

Мы шли и шли, сквозь беснующуюся толпу, пол был черный, и потолок был черный, а стен казалось и вовсе не было – просто бесконечная толпа уходила куда-то во мрак.

И вдруг посреди темноты открылся светящийся прямоугольник, дверь, рядом с которой стояла фигура женщины в белом. Она на секунду обернулась, и слилась с прямоугольником.

Под все усиливающийся гул толпы, мы дошли уже почти до самой двери, как вдруг прямо на дорогу перед нами выскочил один безликий человек, и закричал, тыча в лица микрофон:

– Чего вы хотите получить благодаря победе в Игре?!!

Мы остановились как вкопанные. Толпа остановилась. Репортер замер, тяжело дыша, с сунутым в лицо Кристине микрофоном.

Все молчали.

Виктор пожал плечами и уже открыл рот, собираясь видимо сболтнуть какую-нибудь ничего не означающую ерунду, как вдруг Кристина с криком:

– Да вы достали уже в конец!!! – с размаху пнула репортера в коленку и ломанулась к выходу.

Я состроила Виктору круглые глаза:

– А она у тебя боевая! – и побежала вслед за Кристиной, тем более что опомнившаяся толпа попыталась сомкнуться.

Я прыгнула в дверной проем, и рухнула вниз, зацепившись за порожек. Следом полетели остальные, дверь с громким металлическим щелчком захлопнулась и исчезла.

Я откатилась от остальных и огляделась. Пели птички, зеленела травка, мы сидели на обычной лесной поляне, заросшей листочками земляники, вокруг стояли ряды берез, шелестя ветвями. Светило солнце. В общем совершеннейшая непотусторонняя идиллия.

– Эй, здр-р-равствуйте! – раздалось громкое.

Мы обернулись и увидели невысокую девушку с заячьими ушами, торчащими из головы. Уши были пушистые и нервно дергались. Я подумала о том, как выглядит то место, где должны были быть человеческие уши – его не было видно за волосами.

Димитрий нерешительно ответил:

– Привет?

Зайка улыбнулась, показав вполне человеческие зубы, набрала побольше воздуха и затараторила:

– Рада вас ви-идеть! Господин создал меня, чтобы я была вашим проводником! Можете называть меня Зайка, мне понравилось!

Говорила она очень быстро, проглатывая слоги и почти не делая паузы между словами. Лицо ее странно кривилось, пока она говорила, непрерывно сменяя эмоцию за эмоцией, что производило довольно жуткое впечатление.

– Подождите минуту... Зайка, – Виктор поднял руки. Зайка состроила внимательную рожицу, ушки ее встали торчком и отчетливо повернулись к нему. Я не смогла сдержать улыбку. Зайка скосила на меня влажные карие глаза, и на какой-то миг мне показалось, что на ее лице промелькнула усмешка.

– Будьте любезны, расскажите нам для начала, где мы находимся? – куртуазно сказал Виктор.

– Во сне-е, – она удивленно развела руками, – не-еужели вы до сих пор не-е поняли?

Букву «е» она протягивала, чуть подхихикивая и гримасничая. Она казалась была совершенно больна. Я наконец поняла, что не так с ее глазами – они были скорее кроличьи, нежели человеческие.

Лицо ее было очень красивым, но вся ее мимика танцевала, так что невозможно было глядеть на нее.

– А как нам проснуться побыстрее? – спросил Димитрий.

Зайка блеснула белозубой улыбкой, слишком долго задержав оскал.

– О, это очень просто, вам всего лишь нужно сыграть в игру.

– А мы не можем просто проснуться? Без игры? – предложил Виктор.

Зайка улыбнулась.

– Просто? Ну-ну-ну! Вы же не первый раз спите! Подумайте, по законам сна, в какой момент вы просыпаетесь?

– Я просыпаюсь, когда меня будят, – пожала плечами Кристина, чуть улыбаясь. – Может мы должны подождать, пока нас разбудят?

– Но что происходит со сном, когда тебя будят?

– Он заканчивается?

– Не-а! – Зайка улыбнулась и подняла вверх указательные пальцы. – Дело как раз в том, что он не заканчивается. У сна нет конца. – Опустив уголки рта, она выпятила нижнюю губу. – Он может длиться очень долго, как жизнь.

– Это что значит, мы никогда не выберемся отсюда?! – Димитрий сдвинув брови смотрел на Зайку.

– Наоборот, это может случиться в любой момент, – Зайка улыбнулась. – Даже сейчас. Бац и все. Конеч. – она протараторила последнее слово громко и с каким-то злорадным наслаждением. И засмеялась, тоненько.

– Не волнуйтесь, вам будет весело, Господин позаботится об этом.
– Именно это меня и пугает, – пробормотал Виктор.
– Что за господин? – сказал Димитрий.
– Сон, – ответила Зайка, глядя в небо и чуть дергая головой.
– Господин Сон? – спросила я.
– Сон – это наш господин. Все вокруг вас – часть его. Греки, древние греки, такие затейники, – затараторила Зайка, – они называли его Гипнос, бог сна.
– Бог сна? – Кристина подняла брови.
Зайка вздохнула, не переставая гримасничать:
– Не совсем верно. Он не бог, скорее он и есть сон. Вообще. Все вокруг, – она повела руками. – Даже я. Все это он.

Нам стало немного не по себе.

– Но это не значит, что у меня нет своего сознания! Не подумайте, что я такая глупышка, – она хихикнула и пожала плечами. – Когда вы видите сны, ваше сознание попадает к нему, и смешивается с ним, как вода, порождая нежные видения, а порой омерзительнейшие кошмары.

Зайка вдруг ловким движением руки открутила себе голову и подбросила ее вверх, так, что волосы золотистым потоком полетели за ней. Мы инстинктивно шарахнулись прочь от нее. Она ловко, как заядлая баскетболистка поймала голову и вернула ее на место, задом наперед.

– Мы во сне, господа, – говорила ее голова, сидящая на спине, скрежещущим голосом Гипноса, пока трава и деревья вокруг нас плавилась, превращаясь в черную гниль. – Здесь нет ничего постоянного. – Зайкина голова хихикала, пока она проворачивала ее, возвращая на место.

Мне послышалось что кто-то зовет меня среди голых стволов деревьев, голос был до странности знаком, но я узнала его только по диктофонным записям, потому что он звучал иначе, чем у меня в голове – мой голос. Что-то он сказал мне, я не расслышала, но от интонации, с которой он произнес это, мне стало холодно и страшно, как никогда.

Он позвал меня. Шептал мне что-то... Что же он мне шептал?..

– Хватит, – закричала Кристина. Мир вокруг застыл, словно не зная, продолжать ему меняться, или нет. Все стихло.

– Если это игра, то у нее, как и у любой игры есть правила! – протараторила Кристина, – А по правилам вы проводник, значит вы должны нас вести, а не пугать!

Гниль исчезла, на ее месте снова была трава и деревья.

– Ну хорошо, – почти обиженно сказала Зайка. Мимика ее застыла, словно прекратилась рябь на воде. Она взглянула на нас спокойно и чуть насмешливо. – Пойдем.

Мы переглянулись и облегченно вздохнули.

– Ну и напугали вы нас! – сказал откровенно Димитрий, потирая шею.

– Поверьте, я вас вовсе и не пугала, – и Зайка расплылась в омерзительной улыбке.

– Перестаньте, разве с нами может что-то случиться? Это же всего лишь сон, – сказала я.

– Именно поэтому, случиться может все что угодно, – улыбка Зайки стала еще шире.

– ...ваши мысли...реальность... – шепнул ветер, кидая в лицо пригоршню кленовых листьев. Окружающий пейзаж стал неуловимо меняться, за считанные секунды превратившись из лета в позднюю осень: листья на деревьях съеживались, желтели, отрывались и падали, их подхватывал разбушевавшийся ветер, взметнувший подол платья. Трава высыхала, небо чернело. Ветер крепчал, превращаясь в почти ураганный.

– Опять вы это?!.. – крикнул Виктор, пытаясь увернуться от листьев и мелкого древесного мусора, кружащего вокруг его лица.

– Гипнос рассержен, мы теряем время, пора идти! – крикнула Зайка. Длинные уши ее как две меховые ленты беспомощно мотылялись на ветру. – Давайте за мной!

Она двинулась вперед по тропинке, мы шли следом, пожухлые осенние листья хрустели под ногами. Стоило нам сделать несколько шагов вперед, как ветер стал стихать. Я шагнула, и чуть не зашипела от боли, наступив на веточку – алисины башмачки остались во сне про Алису. Надо было взять туфли из лодки, подумала я, и чуть не споткнулась снова – прямо передо мной стояли мои туфли. Я наклонилась, быстро застегивая их, и почувствовала поток ветра, закрутивший подол вокруг ног и волосы. Он пах гранатами.

– Знаете, вот чуть-чуть смущают все эти изменения с пейзажем, да и с вашей головой, тут все время так? – сказал Димитрий с некоторым сарказмом.

Зайка хмыкнула.

– Все, что здесь есть – сон. Мы только, тени, призраки, которые обретают плоть, когда их выхватывает свет софитов. – Она приняла театральную позу, но замерла на середине, задумавшись на миг. – Кроме Черного и Белого конечно.

– Черный и Белый? – переспросила я.

Зайка округлила глаза:

– Его дети!

– Как у сна могут быть дети?!

– Ну он же бог в конце концов, – пожала плечами Зайка.

– Вы же сказали, что он не бог!!! – возмутилась я.

– Может быть, – ответила Зайка. – Мы пришли.

Она развела ветви елей, преградившие нам дорогу, и шагнула вперед.

Мы вышли на каменный обрыв, за которым было видно только небо. Шириной метров пять, он серой лентой тянулся в обе стороны, плавно заворачивая, словно мы были на острове.

За спиной покачивались высокие ели, вновь плотно сомкнувшие ветви за нашими спинами. Ряд елей тянулся далеко в обе стороны, на совершенно одинаковом расстоянии от края, словно их высаживали по линейке. В этом еловом заборе не было ни единого просвета, так, что, отойдя на пару шагов, мы бы уже не смогли найти те две ели, за которыми скрывалась тропинка.

Я осторожно подошла к самому краю и посмотрела вниз – там, далеко, что-то темнело, наверное, это была земля. Ее загоразивали белые клочки густого тумана – облака.

– Немного подождем, – сказала Зайка.

– Чего подождем? – удивилась Кристина.

– Транспорт, – махнула рукой Зайка.

Ко мне подошел Димитрий, посмотрел вниз и сказал:

– Мы на небесах что ли?

Я подошла к елям, чтобы посмотреть, найду ли я тропинку назад, но, как только я коснулась тяжелых ветвей, послышался крик:

– Плывет!

Мы вернулись к Зайке, и стали вместе с ней вглядываться в небо. Зайка стояла, как капитан за штурвалом корабля: расставив ноги, оперев одну руку в бок, другую приложив к глазам, защищаясь от солнца.

Мы смотрели на небо, но пока ничего не было видно, кроме пары белых облачков да неопишуемой синей пропасти. Потом показалась точка, все увеличивавшаяся и увеличивавшаяся... Наконец мы разглядели... Лодку.

Простую деревянную лодку, примерно такую, на которой мы приплыли, только новую, да чуть подлиннее, с двумя парами весел. И эти весла гребли по воздуху, приближая к нам абсолютно пустую лодку.

Она приблизилась к краю обрыва и замерла. Только весла изредка подгребали, словно стараясь не дать течению снести ее. Зайка приглашающе махнула рукой:

– Ну что, присаживаемся?

Мы нерешительно переглянулись. От обрыва до лодки было сантиметров тридцать, но тридцать сантиметров над пропастью – это много. К тому же, не было никаких гарантий, что эта лодка не рухнет вниз под нашим весом, или что это вообще не иллюзия, которая развеется, стоит нам ступить в пропасть.

Впрочем, это же сон, в конце концов, подумала я и шагнула на борт.

Лодка качнулась, словно и взаправду стояла на воде, и я с громким криком упала на дно. Кристина вскрикнула, кто-то из ребят ругнулся. Поднялась я уже несколько бледная и на трясущихся ногах. Помахала остальным, не менее бледным и трясущимся и села у носа.

– Кошмар, залезайте аккуратно – она качается, как настоящая, – сказала я.

Как только все сели, лодка мягко отчалила от берега.

Мы устроились на дне лодки, с восхищением разглядывая все вокруг. Лодка плыла по небу, зачерпывая облака. Весла работали мерно и четко, подчиняясь какому-то внутреннему ритму. Она скользила плавно и неторопливо.

Лодка была из новенькой древесины, раскрашенной в светло-синий, нежный цвет. Она пахла деревянной стружкой. Под слоем краски были видны прожилки дерева, а кое-где вспыхивали под лучами солнца серебряные шляпки маленьких гвоздиков.

Небо над нами было затянуто облаками, и солнечный свет был неяркий, рассеянный, такой бывает в дождливую погоду. Однако, несмотря на обилие облаков – над нами, под нами и рядом с нами, – дождя не было, как и ветра, да и воздух был довольно теплый. Редкие лучи солнца высвечивали контуры облаков золотым и розовым, небо голубело, лица сидящих были нежно-сиреневого оттенка.

Подул теплый ветер, которого, впрочем было недостаточно, чтобы ускорить ход лодки, но вполне довольно, чтобы разогнать облака и открыть совершенно потрясающий вид на землю. И теперь Кристина сидела прямая как палка, до белизны вцепившись в борта, и стараясь даже краем глаза не смотреть вниз, а остальные, наоборот, свесились за борт, разглядывая крошечную землю, краснокрышние домики, зеленые леса, горчичные дороги и темно-синие квадратики озер.

Воздух стал совсем прозрачен, осталось только несколько облачков на горизонте.

Вдруг Кристина сказала:

– Мамачки, посмотрите, мне это кажется, или нет? – мы все повернулись к ней. Она указывала на одно из облаков вдаль. Облако было толстым и пушистым, а на нем виднелось что-то темное. Когда мы подплыли ближе, стало понятно, что это высокое дерево, к ветвям которого были привязаны разноцветные ленты: золотые, фиалковые, пурпурные, алые, салатные, оранжевые... Шелковые ленты вились на ветру, извиваясь как змеи в потоках воздуха, вспыхивая в солнечных лучах яркими красками... Лодка скользнула мимо, и облако-остров довольно быстро остался позади. Однако мы успели заметить огромного дымчато-серого кота, свернувшегося клубком у подножия дерева.

– Ленточное дерево, – меланхолично заметила Зайка, отметив наш интерес. – И кот Дымок.

– А, – только и нашел что сказать Виктор.

– Смотрите, мы сейчас будем проплывать под мостом, я думаю вам понравится.

– Под мостом? – повторила Кристина.

Впереди показались два облака, которые соединяла совершенно потрясающая по красоте ажурная конструкция. Она была странного цвета, точнее очень многих цветов, постоянно меняющихся. И только когда мы подплыли поближе, я поняла в чем дело: мост был огромной стаей бабочек, замерших в воздухе и трепещущих тонкими разноцветными крылышками.

– Бабочки... – заворожено выдохнула я.

– Боже, посмотрите, это бабочки!!! – засмеялась Кристина и захлопала в ладоши, как ребенок.

Она совершенно забыла про свою боязнь высоты, поднялась и потянулась к мосту.

– Осторожно, – но предупреждение Зайки опоздало: кончиком пальца Кристина дотронулась до крыла одной из бабочек, бабочка вздрогнула, еще чаще затрепетала крылышками и сорвалась с места. За ней ее соседка, за соседкой еще три – десять – сотни – и вот уже весь мост разлетелся волной бабочек, на секунду заслонив от нас весь мир, и вспорхнул куда-то ввысь, в синее небо.

– Здорово... – выдохнула Кристина.

– Слишком высоко для бабочек, – заметил Виктор.

– Тебя именно это удивляет? – фыркнула я.

– Смотрите, а это что такое? – удивился Димитрий. Мимо нас по воздуху пролетали дрожащие черные линии. Приглядевшись, я разобрала несколько букв: К, Я, В, А, остальные проскользнули так быстро, что я не успела прочитать. – Это что, буквы?

– А, – Зайка поморщилась, – Да ничего особенного, опять кто-то выбросил слова, а ветер вечно носится с ними. Нравятся они ему почему-то. Уже сколько раз ругались, чтобы он не тащил всякую дрянь на небеса, но тут как об стенку горох... – внезапно что-то с шумом про-барабанило по днищу лодки. Мы испуганно вцепились друг в друга

– Что это?!!!

– Тьфу ты, – с досадой сплюнула Зайка. – Горох же.

– Горох?? – переспросил Димитрий.

– Об стенку, – Кристина нервно засмеялась. Мы начинали примерно понимать некоторые законы страны снов.

Виктора это позабавило:

– Хорошо, что не сказала про «хоть кол на голове...

– Тихо!!! – шлепнула его по лбу Зайка. – С ума сошел?!! Не знаю как ты, а мне моя голова нравится!

Тем временем лодка плыла все дальше и дальше, весла бесшумно зачерпывали небо. Подул ветер, снова пригнал облака, и уже не было видно, что происходит на земле. Мы плыли в белом тумане, языки которого словно танцевали в такт невидимой музыке, закручиваясь в спирали и изгибаясь. Запахло чем-то странным, похожим на церковные благовония, вроде тех, что используют в кадильницах – ладана. Тонкий, еле уловимый оттенок, который появляется, когда смола начинает плавиться от жара.

– Чувствуете? – спросила нас Зайка, – почти прибыли.

– Куда? – спросил Виктор.

– Какая разница? – вздохнула Зайка. – Увидите.

Туман все густел и густел, и теперь мы плыли словно в молоке, руку вытянешь – на кончиках пальцев уже дымка. Поэтому для нас стало неожиданностью и притом не слишком приятной, когда прямо из тумана начало появляться что-то большое и темное. Это оказались странного вида ворота, высотой в четыре человеческих роста. Темные железные створки были плотно закрыты и начали медленно открываться только когда между ними и носом нашей лодки осталось менее метра, а пассажиры уже смирились со своей безвестной кончиной.

В клубах обволакивающего нас тумана мы проплыли под высокой каменной аркой. Воздух здесь был чист и прозрачен, и принесенный нами туман поспешил втянуться за ворота, створки которых бесшумно захлопнулись за нашими спинами.

Самое странное было то, что ворота были, а вот ограды не было. Но облака все равно оставались снаружи. Мы словно попали в огромный стеклянный шар – туман бился в невидимую преграду со всех сторон – сверху, снизу, с боков, но не мог преодолеть ее.

Сверху белую вату пронизывали лучи солнца, освещая совершенно потрясающую картину.

В самом центре шара-пространства висело единственное, но зато огромное облако. И прямо на нем, а вернее из него, поднимался вверх гигантский храм, вырастая кирпичами прямо из пушистой белизны. Стены, крыши, стекла собора, в общем все, было сделано из полупрозрачного зеленого стекла, которое переливалось сотнями бликов.

– Это что еще за город изумрудный? – ошарашенно пробормотал Дмитрий.

– Настоящий изумруд, – похвасталась Зайка. – Впрочем, – она потеряла кончик носа и прятала ушами, – Тут все настоящее и в то же время нет ничего настоящего. Забавно, правда?

Лодка подплыла к самому краю облака и остановилась.

– Вылезает, – бодренько пропела Зайка.

Мы с ужасом уставились на нее, особенно я – сидела я на носу, мне и вылезать первой.

– То есть как вылезать?! Это ж облако! – выразила наш общий протест Кристина.

– Ну и что, – пожала плечами Зайка, – Мы же во сне.

И не поспоришь ведь!

– Может вы сами первой вылезете, – предложила я.

– Какая разница, – возразил Виктор, – ее же все равно не существует. Она и не упадет.

– О, как ты жесток! – залилась слезами Зайка. Залилась в прямом смысле – слезы лились и лились, как вода из крана, полновесной такой струей. Мы несколько загляделись на это зрелище и не заметили, как лодка начала заполняться водой. Первой опомнилась Кристина и ойкнула, поднимая ноги на скамейку.

– Прекрати! – завопили мы с Кристиной. Зайка последний раз шмыгнула носом и утерлась, расплываясь в своей сумасшедшей ухмылке. Вся одежда ее была насквозь мокрая.

– Так, я пошел, – не выдержал Дмитрий, и, оттеснив меня, прыгнул за борт.

= Стой! = закричали мы хором, я попыталась ухватить его за полы рубахи, но не успела.

На ужасно долгое мгновение нам показалось, что он падает. Но вот он поднялся, и оказалось, что он просто присел на корточки, смягчая падение. Ноги его по колено скрывались в облаке. Тут я подумала, что случилось бы, если бы мы схватили-таки его за одежду и он бы попал в щель между лодкой и облаком.

– Вы знаете, – с удивлением в голосе сказал он, – тут... Странно! – Он несколько раз подпрыгнул и раскрыл руки, пытаясь удержать равновесие. – Как будто на матрасе – мягонько и пружинит.

– Самое главное, не стоять долго на одном месте, – крикнула ему Зайка, – а то провалишься! – Дмитрий резво отпрыгнул на несколько метров. – Это как зыбучие пески, будешь погружаться. Ладно, давайте уже, вылезайте.

Следующим решил спрыгнуть Виктор. Он вылез, попрыгал на облачке, а потом повернулся к нам, улыбнулся и спросил, протягивая руку:

– Ну, кто следующий?

Я посмотрела на решительное лицо Кристины и поняла, что идти придется мне. С отчаянным вздохом вцепившись в протянутую руку, я шагнула на облако.

По ногам прошелся холодок, они стали влажные от капелек конденсата. «Почва» спружинила, но приняла на себя мой вес. Я попрыгала.

– Ох, и правда, как на матрасе!

Следующей спрыгнула Кристина. Вот уж она себя не стала ограничивать. Помявшись пару секунд, она попрыгала, поняла, что не провалится и стала с веселыми криками подпрыгивать, размахивая нам руками, предлагая повеселиться. Мы смотрели на эту сумасшедшую и смеялись, хотя тоже немножко попрыгали, сохраняя чинный вид. Наше веселье продолжалось ровно до того момента, как с громким гулким эхом распахнулись двери собора и перед нами предстал священник.

– Здравствуйте. – прозвучал негромкий спокойный голос. Мы остановились и развернулись в сторону говорящего.

Он был одет по католическому образцу, строгий и черный, высокий, так, что немного возвышался над нами всеми. Худой, но с широкими плечами, на которые падали длинные рыжие волосы, золотящиеся в солнечном свете. Его сдержанный наряд настолько контрастировал с яркими волосами и с изумрудным цветом собора, что казался совершенно неуместным.

– Проходите, – мотнул головой священник, отчего его волосы взметнулись и вновь опали на плечи.

Он посмотрел на наши растерянные физиономии, ухмыльнулся, но ничего не сказал, а, развернувшись, скрылся внутри.

– Идите, идите, – Зайка подтолкнула меня в спину. Мы нерешительно оглянулись на нее и потянулись ко входу.

Я заходила последней и тут поняла, что она и не собирается следовать за нами.

– Зайка?

Она помотала головой, усмехнулась, и сделала такое движение ладонями, точно толкает что-то вперед. В ту же секунду двери собора захлопнулись, наподдав мне по спине, и я оказалась в крошечной темноте.

Исповедь Аглаи

Полная темнота. Ни звука – шарканья ног, шелеста дыхания – ничего нет.

– Эй, кто-нибудь!

В ответ я не услышала даже эхо, голос утонул в темноте.

Я шагнула назад, пытаюсь найти какую-нибудь точку отсчета, хотя бы в виде двери, но за спиной была такая же пустота, как и справа и слева. Тогда я села на корточки и провела рукой по полу. Под ладонью был холодный, чуть влажный шершавый камень.

Не желая снова провалиться неизвестно куда, я опустилась на колени и медленно поползла.

Пол все длился и длился, а стены все не было и не было, словно я ползла по ленте Мебиуса. Казалось, из всего мира остались только я и этот холодный камень под моей рукой. Наконец я решила подняться, но стоило мне оторвать руку от пола, как кто-то схватил меня за нее.

Наверное, я закричала, не знаю, чернота вновь поглотила все звуки.

Я почувствовала, как кто-то тянет меня, настойчивей и настойчивей. Может стоит полжиться на эту руку? Я вскочила с колен и побежала туда, куда тянули, вперед! Рывок – и я вываливаюсь из черной душащей темноты на белые простыни.

Холодный сырой воздух ударяет в лицо. В нем запах дождя и красота целого мира. Он пронзает словно ножом, заставляя невероятно остро почувствовать жизнь.

Я пытаюсь дышать, хочу надышаться на десять лет вперед, этим холодным, свежим, влажным, упоительным воздухом.

Сырость пробирается через тонкую одежду, и вот это ощущение холода говорит – ты жива! Жива, дышишь, существуешь, живешь!

Вскидываю голову, и вляпываюсь глазами в ошарашенное лицо Димитрия.

– Ох, знал бы ты, что мне приснилось!..

Он молчит, и в его молчании чувствуется огромная пропасть.

Я пробегаюсь глазами по комнате, и натываюсь на черные решетки на окне, толстые, с палец, внутри.

Я чувствую, как отхлынула кровь от лица. Димитрий смотрит совершенно ошарашенно. В его лице перемешались все оттенки недоверия, радости и ужаса.

Наконец он словно отмирает, обхватывает меня и сжимает крепко-крепко. Я не сопротивляюсь, но и не обнимаю его в ответ, чувствуя запах его одеколона с еле заметной пряной ноткой пота и запахом сигарет. Мои отросшие волосы падают ему на плечи. Через несколько секунд он отстраняется и садится, держит за руку, а глаза совершенно безумные, даже... плачет?.. Да нет, быть того не может.

– Где я? – тихо спрашиваю.

Он начнет юлить, вижу: крутит пальцами, мнет губы и прячет глаза.

– В больнице. А ты помнишь, что с тобой случилось?

– В больнице, – говорю. – Зачем в больнице решетки на окнах?

Он снова прячет глаза и мнется. Я откидываюсь на подушки.

– Господи... Скажи мне, что я ограбила банк.

Он смотрит на меня долго, потом внезапно обхватывает за плечи и утыкается мне в шею.

– Аглая... Аглая... – шепчет. Смеется. – Боже мой, как я давно не слышал твоего голоса!..

Я смотрю на толстые черные решетки за его спиной.

Проходящая мимо сестра заглядывает в палату, охает и убегает. Потом прибегает снова, приводя за собой врачей. Они спрашивают меня, задают какие-то вопросы, я отвечаю, тоже спрашиваю, а сама все это время поглядываю на Димитрия, сидящего на стуле. Все про него

забыли. Он и сам чувствует это, а потому не играет на публику – я вижу, как разные эмоции сменяются на его лице. Правдивые эмоции.

– Можно мне прогуляться? – спрашиваю у моего консилиума. Они с сомнением глядят на меня. Я сажусь на корточки. – Видите, я могу подняться, это не проблема. – Недоверия на их лицах не уменьшается. – Пожалуйста.

Они долго совещаются, ссорятся, приносят какие-то аппараты и лекарства, уносят, и наконец выходят из палаты, оставив меня одну. Дмитрий говорит о чем-то с врачом у двери.

Я чувствую, как начинаю зябнуть и, с огромным трудом встав на ноги, подхожу к окну, придерживаясь за стены.

Решетка слишком частая и я совершенно не понимаю, как они исхитрились открыть формулу.

Прямо напротив окна, почти вплотную, растет какое-то дерево и в его темной коре я вижу свое отражение – худое лицо, морщины, потрескавшиеся губы.

Я стою и гляжу на свое отражение, и вдруг в какой-то момент, понимаю, что и оно в ответ глядит на меня. У него мертвые, голодные глаза. Оно усмехается мне, глаза его шурются презрительно и зло.

= Привет! = мы говорили одновременно. Я – шептала, и его голос – шептал, в шелесте дождя.

Я вижу, как мои руки поползли к горлу.

– Я закричу! – шепнула я.

– И что? – спросило оно.

– И сюда придут.

– И что они сделают? – оно усмехается.

– Спасут меня.

– Зачем это им?

— Они... ХОТЯТ ПОМОЧЬ МНЕ.

– Значит они твои друзья? – шепнул дождь.

– А твои друзья знают что ты сумасшедшая? – шепнул шелест листвы.

— А твои друзья это твои друзья? — шепнула я.

В коридоре послышался топот, я отошла от окна и залезла в постель, укутавшись в одеяло.

Сестра принесла откуда-то пальто и калоши, помогла мне одеться и передала в руки высокого медбрата.

Мы прошли по больничному коридору – я, опираясь на медбрата, за нами Димитрий, перед нами медсестра.

Когда дошли до двери – сестра вынула из кармана ручку,插入了 ее в пазы и провернула.

Еще идем – и вот наконец улица.

Мне в лицо дохнуло холодом и осенью, прояснив сознание. Я подняла голову – и надо мной распахнулось во всю свою невероятную, необозримую темную ширь сердитое и свободное осеннее небо, затянутое низкими тяжелыми тучами, роняющими на землю мелкие холодные капли. Несколько минут я стою, подняв лицо к небу и ловлю капли губами.

Наверное, они думают, что я молюсь.

Мы идем по старой заасфальтированной аллее, мимо рядов простых деревянных скамеек, мимо высоких и длинных фонарей, мимо коротко стриженной травы и деревьев, которым внизу обрезают ветви.

– Знаешь, мне всегда это казалось нелепым... Человек рождается маленьким и глупым, растет и умнеет, а потом усыхает и забывает все что выучил, и умирает снова маленьким и глупым. А сейчас думаю – есть в этом какая-то горькая правда.

Ветер усилился, кинул нам в лицо пригоршню воды, Димитрий раскрыл зонт.

– Ты это к чему? – спросил он. – Что за пессимизм? Ты очнулась, не бредишь, не сидишь, уставившись в одну точку, как чертова кукла. Ты снова в реальном мире, с нами вместе... – он взял меня за руку.

Моя рука была белая и маленькая с птичьими косточками, того гляди переломятся, его рука была большая и загорелая с мозолями и царапинами, в ней словно вместо крови по венам струилась жизнь. Почему меня всегда так раздражала эта жизнь в нем? И кто здесь более жесток – он или я?..

– Не могли бы вы нас оставить минут на пять, – попросила я медбрата.

Он непреклонно посмотрел на меня.

– Он мой жених, – сказала я.

Медбрат посмотрел на меня и на Дмитрия. Его лицо не меняло привычного каменного выражения, но рука, на которую я опиралась, еле заметно ослабла. Он передал меня Дмитрию и отошел по аллее к корпусу.

Мы сели на скамейку.

Ветер гнал пригоршни осенних листьев. Интересно, сколько времени прошло с моего... отсутствия. Я подумала о событиях моей жизни и поняла, что совершенно не представляю, что было наяву, а что во сне. Лодка? Квартира? Работа? Лето? Зима? Что происходило в этом мире, а что – порождение рассудка? А люди? Кто существует, а кто – лишь плод воображения? Сейчас я стою вне времени, вне событий. Возвращаясь в эту жизнь и вновь уплывая когда заблагорассудится.

Как не сойти с ума от такого, – подумала я и засмеялась.

Дмитрий посмотрел на меня как на сумасшедшую. Как. Я снова усмехнулась и покачала головой:

– Ничего, просто смеюсь сама над собой. Есть какая-то великая шутка в том, чтобы быть сумасшедшим. Ведь говорят, что единственное, что отличает человека от зверя – это рассудок. Скажи мне, если я зверь – я могу делать то, что мне хочется, не оглядываясь ни на что?

– Опять несешь какую-то чепуху. Тебе надо поправляться, а не думать о всякой ерунде.

– Ты никогда не любил философствовать. Ты просто не понимаешь, о чем я, и главное, зачем. А я просто так. – Тут я задумалась, и, наморщив лоб, спросила его требовательно: – Ты же не любишь философствовать, правда, или я и это придумала?

– Ты всегда была немного со странностями, просто сейчас их стало немножко больше, – попытался пошутить он. И тут же нахмурился: – Я переборщил?..

– Наверное... Не знаю. Мне все равно. Ты думаешь я всегда была странной?

– Да нет, на самом деле. Обычной. Хотя...

– Ты не помнишь? И я не помню. Удивительное дело, я совсем не помню какой я была. Я помню отдельные мысли и события, но совершенно не помню меня в прошлом, то ощущение «я». А может просто тогда я была точно такой же как сейчас? И ничего не изменилось?

– Аглая...

– Я помню, ты не любишь, когда я говорю чепуху. Но я не знаю, что говорить, – я с мольбой посмотрела ему в глаза. – Я не хочу говорить это и все рушить.

– Чего говорить? – он непонимающе смотрел на меня. – Чего рушить?

Я подняла взгляд к холодному осеннему небу, запоминая его, закрыла глаза, и сказала:

– Ты будешь приходить ко мне?

– Конечно, а с чего бы мне перестать? – ответил он.

Я молчала.

Когда я очнулась и вокруг стояли все эти люди, он сидел на стуле и смотрел на свои руки. Они сновали между нами, загораживая меня от него и снова открывая его моему взору. Он сидел, не шевелясь, только смотрел на свои руки, напряженно, до боли вглядываясь в золотое кольцо.

– Скажи мне, почему всегда именно я должна быть сильной? – проговорила я, наклоняясь чтобы он не видел мое лицо. Обхватила руками колени и увидела, как сорвавшаяся капля упала в лужу на асфальте, всколыхнув черное отражение.

– Аглая, о чем ты вообще, я опять тебя не понимаю, совершенно! – в его голосе слышится отчаяние, он кладет руку мне на плечи.

Я провожу руками по лицу, словно умываясь и поворачиваюсь, глядя в его глаза.

– У меня нет никого кроме тебя, никого в целом мире, ты знаешь? Все умерли или забыли. Я призрак. Если ты забудешь обо мне, я исчезну. Меня просто некому будет видеть.

– О чем ты?.. – он проследил за моим взглядом. – О, черт... – он машинально закрыл кольцо рукой.

Мне было так больно, словно кто-то располовинил мою грудную клетку напополам. Я не знала, что сказать ему, все звучало бы одинаково глупо.

– Зачем ты пришел?

– Я люблю тебя...

– А я тебя – нет! – я захохотала. – И ты меня – нет! Дурак! – я искривила рот, сквозь слезы выплевывая желчные, злые слова: – Почему ты меня бросил здесь? Ты, как ты мог это сделать? – я понимала, что не права, но не в силах была остановиться. – Почему ты оставил меня здесь?!! Любил... – выплюнула я. – Почему же ты не спас меня, а?! Ты не хочешь, чтобы я просыпалась! Нет, ты не хочешь! – я покачала головой. – Ты оставил меня, бросил, как и все, бросил, слышишь меня!!!

Он ошарашенно глядел на меня, на истеричку. Нет, он не слышал меня.

Я обмякла, словно из меня выпустили весь воздух.

Но я хотела, чтобы он услышал, поэтому попыталась объяснить. Я тихо заговорила:

– Знаешь, что такое одиночество? Это страшная штука. Сначала ты почти не чувствуешь его, так, что-то маячит – вроде все хорошо, но что-то не так. И ты не можешь уснуть, лежишь и пялишься в пространство. А потом ты ищешь компании, бродишь как раненный зверь, мечешься... И страшно, господи, как страшно, как страшно ночное небо, как страшен мир, громадный, многомиллионный, машина бессердечная, когда ты один, совсем один, господи...

– Аглая, – он отцепил мои руки от своих, я и сама не поняла, как я успела в него так сильно вцепиться. – Аглая! Отпусти меня!

Он смотрел на меня, с отчаянием, которое раздирало мне душу. Он машинально попытался отстраниться от меня, отодвинуться как можно дальше. Вот когда я увидела это, я и поняла, что все.

– Ну прости меня! Боже мой, Аглая, что... Прекрати! Отпусти меня! Аглая! Ох! – он выдернул полу своего пиджака из моих разжавшихся рук, наскоро погладил меня по голове. – Мы обязательно поговорим об этом, что за ерунду ты сказала! Но не сейчас, посмотри, тебе совсем плохо! Эй, извините, да, ага. Она устала, это слишком...

Я согнулась пополам, обхватывая свои колени и снова увидела свое отражение в черной луже. Глаза моего двойника, того, грязного, гнусного, издевающегося, это были мои глаза, всегда, только мои глаза.

Я оторвала взгляд от своего отражения и подняла глаза вверх. И застыла. Вокруг была черная пустота. Я стояла на черноте без углов и поверхностей, надо мной была чернота, справа и слева была чернота. То самое черное ничто, из которого пришел Гипнос. Только серебряными озерцами блестели лужи – как странные искаженные окна в иной, потусторонний мир. И через них было видно меня, скорчившуюся на скамейке, стоящего надо мной Димитрия. У меня были огромные черные бессмысленные глаза.

Я засмеялась.

Может правда проще уйти? Остаться в этой спокойной черноте, раствориться в ней? Перестать быть самой собой?

Нет, я слишком эгоистична. Я хочу жить. Жить под солнцем. Не в палате за решеткой, и не в непроглядной черноте.

Я просто не могу сойти с ума. Ведь тогда мой собственный разум станет мне клеткой. Всю жизнь меня пронизывало одно-единственное стремление, не угасавшее никогда и гнавшее меня по жизни вперед. Я хочу свободы.

Я опустилась рядом с одной из луж и заглянула внутрь. Я увидела небо, которое приоткрыли серые тучи. Я увидела лучи солнца, скользнувшие по серому, бледному лицу той, зазеркальной меня.

Там Димитрий подошел к той мне, укутал мои плечи в свой пиджак и повел прочь.

– Димитрий! – глупо закричала я, надеясь, что он услышит. – Димитрий! – я ударила по луже кулаком, но она даже не дрогнула, гладкая, словно стеклянная поверхность ее была непроницаема для меня.

Я, как собака, идущая по следу, переползала от лужи к луже, следуя за ними. Он бережно придерживал ее за плечи, она же смотрела в землю, лицо ее было бессмысленно и пусто, только глаза были живыми. Раз мы встретились взглядом: она тоже билась там, внутри, билась в ее глазах, изо всех сил, выкручивая руки, ноги, нет, все свое естество, пытаясь вырваться из сдерживающих ее пут. Одно отчаяние соединило нас, она видела меня, не отводя уже взгляда до самого порога. Она перешагнула через порог, подарив мне последний взгляд и исчезла за дверью.

Теперь в лужах отражалось только здание больницы, фонари и свинцово-серое небо. Пара капель сорвались вниз и отражение покрылось рябью.

Я нерешительно шагнула дальше, на место подъезда, но там не было ничего кроме черноты.

Лужи были единственным, что связывало меня с тем, живым миром. Я обошла их все, вглядываясь и ощупывая каждую.

На ощупь лужи были похожи на стекло. Я пыталась процарапать поверхность ногтями, но она не поддавалась. Она не реагировала и на те жалкие удары, которые я могла воспроизвести. Я прыгала на ней, пробовала на вкус, нюхала, пыталась мысленно представить, как прохожу сквозь нее – все было бесполезно.

Я сидела одна, в крошечной черноте, перед лужами, в которых отражались клен, больница и небо. Луж было совсем немного. Они начинались примерно от скамейки и шли до самого подъезда. У подъезда была как раз самая глубокая и большая лужа, впрочем, она реагировала на мои попытки пробиться так же равнодушно, как и остальные.

А чернота пугала.

Раньше слово «хаос» обозначало небытие, то, из чего возник мир. Кто-то называл так воду, кто-то тьму, кто-то ничто – зависит от того, во что он верил. И вот эта окружающая меня чернота, представлялась мне Хаосом. То, что было до. Мне казалось, что с исчезновением последнего, что связывает меня с миром, исчезну и я, растворившись, вернувшись в Хаос.

Отчаявшись добиться чего-то от луж, я попыталась уйти в черноту вокруг, но сколько бы я ни шла, чернота не менялась, а я возвращалась к лужам, словно делая круг. Я попыталась уснуть, но у меня не получалось.

Я лежала и думала – обо всем на свете. О том что было там, снаружи, о том было ли это. Я вспоминала свою жизнь и то, что мне казалось моей жизнью. Я помнила много радости и неизмеримо много горя – почему-то след от самого легкого прикосновения горя всегда памятнее, чем самые крепкие объятия радости. Но единственное, к чему я приходила после всех этих мыслей – что я хочу назад. Я хочу жить – что бы ни было там.

А потом засветило солнце.

Я как раз лежала на боку у самой первой лужи – под таким углом было видно гораздо больше. И смотрела на небо, как по нему лениво ползли тучи. И поэтому я увидела его – первый золотой луч.

Вскоре тучи окончательно ушли, небо стало голубым, чистым и безоблачным, и на нем жарко сияло желтое осеннее солнце. Лужи стали высыхать. Они становились все меньше, а чернота становилась все больше, рано или поздно они должны были высохнуть все.

Я насчитала десять луж. Сначала исчезла пятая, потом вторая, девятая, седьмая, первая, третья, четвертая, восьмая, затем шестая, и наконец осталась только десятая – самая глубокая, у подъезда. Она тоже уже почти высохла, отражение стало совсем прозрачным, я легла рядом и смотрела на угасающий образ дома. Он становился все прозрачнее и туманнее. С каждой секундой отражение все уменьшалось и уменьшалось – а что станет, когда останется последняя капля? А когда и она исчезнет?

Прямо на поверхность лужи упала одна капля, затем вторая – словно линза, они увеличили оставшуюся картинку-точку. Я провела рукой по щеке и перевернулась на спину, отворачиваясь от отражения. Закрыла глаза.

И вдруг я почувствовала прикосновение к своей ладони.

Мгновение, мое сердце сжалось, и снова пошло, забилось, затрепетало, как бабочка, часто-часто.

Я распахнула глаза и сердце, вскочила, сжала руку чужую, крепко, до боли.

Передо мной на коленях стоял рыжеволосый священник и рассматривал меня серьезными синими глазами. Его кожа под моими ледяными ладонями пылала, в этом последнем мираже билось горячее живое сердце. Его рука в моей была пронзительно горяча, и я прижала, притиснула ее к своей груди, пытаюсь прогнать ледяной холод страха, одиночества, отчужденности, прогнать черноту из своего сердца.

Он был прекрасен, как живой огонь, как ангел-победитель с огненным мечом. Волосы его были шелковой рекой, а в глазах горел восторг, смелость, вдохновение битвы! Он был такой... живой!

Я обхватила его руку, целуя ее, не смея касаться его лица, боясь, что он растает. Он погладил меня по голове и взял за руки:

– Идем?

– Идем, – сказала я.

Он встал на ноги и помог подняться мне. Я не отпускала его руку, сжимая ее сильно-пресильно.

– Это правда? – спросила я тихо, глядя на его лицо, в живые голубые глаза, искрящиеся смехом.

– Правда, – сказал он, – Шагай вместе со мной.

Мы встали на одну линию – он справа, я слева, держась за руки. И сделали вместе пять шагов назад, спиной.

Я не оборачивалась, но с каждым шагом чувствовала, как сосущая холодная грязная пустота, отцепляет свои щупальца.

И вот мы снова стоим в темноте – но эта – совершенно не пугающая, самая обыкновенная. Я держу его за руку.

По бокам вспыхивают огни – загорелись висевшие на стенах факелы, освещая неширокий каменный коридор, как в средневековом замке. Я повернулась и увидела совсем близко его лицо. Вспомнив, как я целовала его руки, я смутилась, но этой самой руки не отпустила.

– Куда мы идем? – спросила я, чтобы рассеять тишину.

– Увидишь, – загадочно ответил священник.

Я была готова следовать за ним хоть на край света. Сейчас этот, совершенно незнакомый человек, за несколько мгновений стал роднее и ближе кого бы то ни было.

Мы шли довольно долго, и вот остановились перед небольшой деревянной дверью. Он обернулся и внимательно посмотрел на меня.

– Что? – я подняла брови.

Он покачал головой, улыбнулся и распахнул дверь.

Меня ослепил свет. Изумрудный поток хлынул вниз с потолка, выбивая слезы. Я вытерла глаза и огляделась – мы были в огромном зале в том самом изумрудном храме. Пол был вымощен все теми же ромбами: молочно-белое стекло чередовалось с темно-изумрудными плитками. Из пола вырастали изумрудные колонны, переплетаясь в арочные своды, уходящие куда-то к небесам. Весь зал был зеленый и в тех местах, где толщина камня позволяла, солнечный свет, преломленный в изумрудных гранях, изливался внутрь. Наверное, это и значит «поэзия в камне».

Мы вывернули из бокового прохода, пересекли главный, и снова попали в боковой. У стены стояла маленькая резная исповедальня из серого дерева. Она была настолько ажурна и хрупка, что казалось земное тяготение не властвует над ней.

– Мы сюда? – удивленно спросила я.

– Точно, – ответил священник.

– Но я не хочу!

– А тебя никто и не спрашивает, – он фыркнул и скрылся внутри.

Я раздраженно цыкнула, но забралась внутрь. Там на скамейке лежала мягкая бархатная подушечка с кисточками. Я примостилась на подушечку и огляделась. Внутри царил полумрак, а сквозь решетку узора пробивались потоки зеленоватого света, который падал на мои руки, и они казались зелеными, а в лучах света танцевали пылинки.

Как только я осталась одна, меня снова охватил страх – страх того, что все что окружает меня – мой больной мираж, а вокруг лишь чернота. Вдруг я почувствовала сильный тычок в бок и подпрыгнула. В верхней части кабинки резьба была слишком частой, не позволяя даже разглядеть лица друг друга, но в нижней, деревянные цветки и лепестки пересекались достаточно редко, образуя большие просветы. В одну из таких дыр он и просунул руку, и тыкал в меня пальцем. Я хмыкнула и осторожно взяла его за руку. Его ладонь была теплой и сухой, пальцы тонкие и изящные, как у девушки.

– Зачем я здесь? – услышала я свой спокойный голос.

И я с удивлением поняла, что мне сейчас как никогда хорошо и уютно. Я гляжу как пылинки танцуют в изумрудных потоках, попе мягко, а рука рядом дает мне чувство уверенности и защищенности.

– Ты настоящий?

– Конечно же нет.

Я не сдержала вздоха разочарования.

Смешок.

– Я тебе понравился?

– Очень, – искренне ответила я.

– Извини.

– Ничего.

Я помолчала.

– Больница была иллюзией?

– Сама как думаешь?

Я усмехнулась.

– Я уже ничего не думаю. Мои чувства и ощущения меня явно обманывают. Вот сейчас я чувствую твою руку, а ты говоришь, что тебя не существует. А недавно я стучала по луже, которая была твердой как стекло. А еще недавно я лежала в палате психушки, и я очень надеюсь, что ЭТО было иллюзией. – Я засмеялась и покачала головой.

– А если ты больна, что с того? Для тебя же это – по-настоящему. Ты сейчас сидишь здесь. Какая разница, что происходит на самом деле?

Я засмеялась.

– Ну, не знаю... Мне будет стыдно потом, когда я очнусь? – я улыбнулась.

– А если это потом никогда не наступит?

Я опустила глаза, глядя на наши соединенные руки.

Он сказал:

– Какая разница между сном и реальностью? В мозг идут сигналы от органов чувств, он их обрабатывает как хочет и дает тебе. Все дело в мозгах, не в окружающем мире.

– И что же ты хочешь этим сказать? Что сны – реальнее, прости, реальности?

За перегородкой мне послышался смехок.

– Нет, я только хочу сказать, что реальность не реальнее сна.

Я фыркнула разочарованно.

– Ты играешь со словами.

– А люди любят играть. Они в любую чушь могут вложить смысл – это ведь тоже игра своего рода. Так получается большинство хороших цитат. Мы сами в них смысл находим. Так что поищи, может получится.

– Не ешь хрен ложками и не спорь со священником о философии, – я засмеялась.

– А я не священник, – беззаботно отозвался... черт его знает кто.

Я собиралась вскочить, но меня удержала его рука, крепко стиснувшая мое запястье.

– Ты считаешь, что любишь или ненавидишь кого-нибудь, и считаешь, что тебя любят или ненавидят... А может равнодушны... Но ты же не можешь знать, что они на самом деле чувствуют? Ты же К НИМ в голову не залезешь? Подумай, да ты не знаешь, существуют ли они вообще?..

– Как это не знаю, – возмутилась я. – А если я...

– Где ты? – перебил он меня.

– Что?

– Где. Ты. – раздельно повторил он. – Где ты сейчас находишься?

– Во сне? – нерешительно предположила я.

– Уверена?

Я стиснула зубы и выдавила:

– НЕТ.

– Сколько тебе лет?

Пфф... Ну уж это я знаю.

– Мне... – я замерла. Когда я была в больнице – была осень, а когда мы переправлялись на лодке – лето. Но в больнице это был сон? Или нет?

– Зато я точно знаю, что мое имя Аглая!

– Такая же Аглая, как и сотни других. А если у тебя будет ребенок, он никогда не назовет тебя по имени. Для него ты не будешь Аглаей, ты будешь мамой. Имя – это такая условность, Аглая.

– Это нелепо.

– Просто предположим. Мы отняли имя и судьбу, осталось только твое тело, которое стареет, изменяясь до неузнаваемости.

– Когда это ты успел отнять у меня судьбу?

– Ты не различаешь, что было на самом деле. И потом, – он, кажется, усмехнулся, – ты действительно доверяешь своим воспоминаниям? – его голос лился патокой. – Ведь в них слишком много эмоций и так мало правды... Ты ни в чем не можешь быть уверена, так чем же твоя реальность лучше моей? Ты не знаешь кто ты. Не знаешь где ты и чего ты хочешь. Ты вообще существуешь, или ты просто снишься кому-то?.. А может тебя придумал Гипнос?

– Хватит!

Я выдернула руку и распахнула дверцу исповедальни.

За порогом не было ничего, кроме черноты.

Я стояла посреди черноты, исповедальня исчезла.

Я почувствовала, как он стоит позади меня.

– Ты не существуешь, – сказала я.

Он молчал.

– Да, ты не священник, ты – гадость, не больше.

Он молчал. Я разозлилась.

– Знаешь, может у меня нет ничего, и я ничего не знаю!.. Но в одном я. Никто и никогда не сможет отнять у меня саму себя. Ту, которая я есть сейчас! Никто. Так как же ты...

– Никак, – раздалось прямо над моим ухом, и в ту же секунду чернота вокруг стала таять, обнажая золотое поле пшеницы и синее небо.

Мы стояли на перекрестке двух дорог, в прибитой дорожной пыли.

Я замерла. Под ногами был песок с неровностями – камешками, ямками. Воздух пах травами, – этот запах резко ударил в нос, словно до того я была в вакууме. От солнца коже было стало тепло.

Я подняла голову и спросила:

– И что из этого реально?

Он чуть помедлил и сказал, тоже медленно, словно устал:

– Какая разница?

– Какая разница... – эхом отозвалась я.

– Разве это не та свобода, о которой ты мечтала? – спросил он и развел мои руки высоко в стороны, словно крылья птицы.

– Я тебя ненавижу, – сказала я искренне.

Я обернулась и посмотрела на него. Он был слишком странный для обычной пыльной дороги в своей черной сутане. Совсем странный. Что бы ему подошло?

Тут сутана стала таять. Под ней медленно проступали очертания роскошного шитого золотом костюма.

– Ты считаешь, что это здесь уместнее? – с сомнением спросил он.

Я молча пожала плечами.

– И кто я теперь?

– Прекрасный Принц, я полагаю, – сухо ответила я.

Он перекинул через правую руку шитый золотом плащ с узором из ромбов (черно-бело-желто-красно-синих) и поклонился. А потом совершенно безумно, почти как Зайка улыбнулся и... вышел из себя. В прямом смысле. Шагнул и раздвоился. Теперь два Прекрасных Принца улыбались мне из-под залихватски перекоsobоченного берета с пером.

– Нет, я не Прекрасный Принц, – погрозил мне пальчиком тот, кто слева, – Я Коварный Злодей.

– А вот я, пожалуй, Прекрасный Принц. – сказал правый.

– Ты не можешь быть Коварным злодеем, вы одинаковые, – обратилась я к левому.

– Ха! Еще как могу! – усмехнулся Коварный Злодей.

– Конечно может. В каждом живет по Прекрасному Принцу и Коварному Злодею.

– Ты не Прекрасный Принц, ты Ужасный Зануда, – пробормотала я. И уже громче: – Чего мы ждем, что будет дальше?

– Ждем остальных, – ответил Коварный Злодей.

Исповедь Виктора

Виктор шел шаг в шаг за странным рыжеволосым священником – он опасался заплутать в бесконечных одинаковых коридорах, которыми была пронизана церковь.

«Может мы уже и не в церкви?» – подумал он, прикинув пройденное расстояние.

Вскоре ему надоело разглядывать одинаковые стены, стало скучно, он обернулся, и только тут понял, что за ним никто не идет.

Это было странно, поскольку все время что они шли, он отчетливо слышал за своей спиной шаги.

– Стойте! – он повернулся к священнику, – А где остальные?

Но священник продолжал идти, не обращая внимания на его оклик.

– Погодите! – Виктор протянул руку и схватил священника за плечо. Точнее попытался схватить. Черная ткань опала и выскользнула из пальцев Виктора, обнажив две деревянные палки и парящий в воздухе рыжий парик.

Виктор отпрянул, автоматически подхватив упавшую на пол сутану. Палки и парик продолжили свое монотонное, механическое движение вперед. Какое-то время Виктор просто стоял, глядя вслед этой странной кукле.

– Нда, – не нашел он слов. – И что делать? Э-Э-ЭЙ!! – его крик пронесся по бесконечным коридорам, поплутал и вернулся долгим эхом. И снова повисла тишина. Ни шага, ни шороха.

Виктор пожал плечами и пошел назад, надеясь прийти к выходу из церкви. Один каменный коридор сменялся другим, Виктор все больше путался на перекрестках, никто так и не появился и не было и намека на выход.

– Странная игра, – сказал сам себе Виктор, убирая волосы со лба. – Должна же быть у происходящего какая-то логика?

– А она и есть, – раздался гулкий голос над самым его ухом.

Виктор сжал руки, гася испуг.

– Простите? – обернувшись он увидел говорящие доспехи, мимо которых прошел пару секунд назад. Да, поправочка: ПУСТЫЕ говорящие доспехи – забрало было откинута.

Доспех поднял два пальца к шлему, как бы здороваясь, Виктор в ответ кивнул, чуть нервически усмехнувшись.

– Логика, говорю, есть! – тем временем продолжил доспех.

– В самом деле? – спросил Виктор не без сарказма, – И в чем же она заключается?

– А вот в чем – внушаемость повышается, да и, – сказал доспех, внезапно хватая Виктора за руку, и втягивая его прямо в стену. – Испуганный человек легче откровенничает!

– Стой!!!

Виктор заорал – стена без проблем пропустила доспех, но совершенно не желала пропускать Виктора. После очередного удара об стену Виктор почувствовал, как его зрение сужается до точки, все заволочло чернотой, и он стал куда-то падать.

Усилием воли Виктор выдернул себя из черноты и распахнул глаза. Он летел вниз по какой-то серой туманной трубе, раскручивающейся вокруг него словно торнадо. Он падал и падал, все ниже и ниже. Ветер свистел у него в ушах, полы одежды развевались.

– Виктор... Виктор! – услышал он громкий крик, эхом отдавшийся в трубе, и пронзивший его голову.

Она?

Он дернулся, пытаясь определить источник звука.

– Виктор! – женский голос был полон отчаяния и боли. – Виктор, ты слышишь?!

– Я... – попытался сказать он, но понял, что не может выдать ни звука.

И вдруг прямо перед ним возникла дверь. Она падала вместе с ним. Обычная деревянная дверь с ручкой. Он схватился за нее, дверь поддалась и открылась.

В ту же секунду полет прекратился. Виктор висел прямо напротив дверного прохода.

Он впрыгнул внутрь, дверь с грохотом захлопнулась и исчезла за его спиной.

Он оказался в небольшой темной комнате. Стены были заставлены книжными шкафами, нигде не было видно ни дверей, ни окон. На полу лежал старый красный ковер. На нем стоял массивный стол, заваленный бумагами, протертое кресло и столик коричневого дерева, на котором стоял граммофон.

Виктор огляделся, но не нашел и намека на выход. Тогда он подошел к шкафу, просмотрел корешки книг. Все названия были ему знакомы – каждую из них он когда-либо читал.

Бумаги на рабочем столе не представляли для него никакого интереса. Какие-то счета, почему-то смутно знакомые. Впрочем, все в этой комнате казалось ему знакомым. Словно давным-давно и у него был такое кресло, такой столик, такие шкафы...

На столе лежала раскрытая книга, придавленная пресс-папье. Виктор склонился над ней:

– «Я хочу предупредить читателя, что все, происшедшее со мной в течение жизни, – хорошее или плохое – без сомнения, заслужено, и поэтому я могу считать себя человеком свободным»...

Виктор усмехнулся.

Он подошел к граммофону и увидел лежащую рядом россыпь пластинок. На каждой вместо названия были напечатаны жирные черные цифры: «1», «2», «3» и так далее.

Виктор попробовал поставить пластинку с номером один, установил иглу, нажал на старт, и, к его удивлению, граммофон заработал.

– «История моей жизни – это история женщин, которые заботились обо мне».

Виктор вздернул брови.

Голос говорившего был смутно знаком, вот только он никак не мог понять, кто это.

– «Первой и самой любимой была, конечно, мама.»

Виктор замер, вслушиваясь, начиная узнавать.

– «Она и подарила мне глубочайшее отвращение к семье, к браку.»

Это был его собственный голос. Чуть в нос, с его интонациями. Но он никогда не произносил этого.

– «Она была из дворянского рода, как и папа. Статная, всегда держала себя с достоинством. И, к сожалению, смиренная, как истинно русская женщина. Я имею в виду что она никогда не пыталась чего-то изменить, всегда плыла по течению. Папа... Он был совсем другой. Черствый, буйный, гордый. Но, к сожалению, совершенно не смиренный. На самом деле, он бы мог стать великим человеком. Он обладал способностями ко всему на свете. Но был слишком ленив, чтобы стать кем-то. А гордыня мешала ему признать, что он никто. Только одно примиряло его с действительностью – водка.

Они любили меня, крепко, по-своему. Мама любила меня, знаете, как сука любит щенят – облизывала, защищала, кормила – и легко отпустила, когда я вырос. Ей было тяжело... Она тянула меня практически одна.

Папа... Ну он видел во мне себя. Только более молодого, более везучего. И он отчаянно со мной боролся – «ради меня самого» – как он постоянно повторял.»

Грампластинка зашуршала и затихла.

Виктор стоял, глядя на граммофон.

Вдруг на грани слышимости раздался какой-то шелест. Он все нарастал и нарастал, усиливался, разбивался на множество голосов и отголосков. И с какого-то момента Виктор начал различать слова:

– ...Виктор!..

– ...Витя...

- ...Виктор!..
- ...Витя, тебе нельзя!..
- ...Нельзя, папа будет ругаться!..
- ...Виктор, никогда больше так не делай, ты слышишь меня?!..
- ...Зачем ты ходил туда?..
- ...Замолчи!..
- ...Сядь прямо, не сутулься!..
- ...Не трогай, папа рассердится...
- ...Витя, мы любим тебя и хотим тебе счастья...
- ...Ты, кусок дерьма, у тебя нет никаких прав открывать свой поганый рот!..
- ...Неужели нельзя понять, что есть правила приличия?!..
- ...Да кто ты такой, чтобы что-то мне указывать? Яйца курицу не учат!..
- ...Можно хоть что-то сделать по-человечески?..
- ...Ты всегда меня ненавидел, даже сейчас смотришь так, что убил бы!..
- ...Как можно быть таким идиотом?..
- ...Все дети уже научились, а ты все еще...
- ...Мне, право, стыдно за тебя! Другие дети так себя не ведут! Вот посмотри на...
- ...Если тебе плевать на мнение окружающих, то нам нет!..
- ...Я знаю, ты звереныш, всегда ненавидел своего отца!..

Виктор вздрогнул, словно очнувшись от транса. Сняв пластинку с цифрой один, он поставил пластинку «2». И тут же голоса смолкли.

Он нажал на «Старт».

Шипение.

– «А потом мама вдруг влюбилась. Мне было лет четырнадцать, наверное. Она влюбилась очень сильно. И немного бессмысленно.

Наверное, для нее это было красиво. Он был холостой, богатый и любил ее до умопомрачения. Французский дипломат и русская аристократка. Кино! Красивые интерьеры, белые простыни, танцы, набережная, вино, печальное расставание. Ведь есть сын и муж, и она слишком... труслива, чтобы бросить все и зажечь по-новому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.